

11. Zhambalova S. G. Kochevoj obraz zhizni v sovremennom mire: problemy tradicionalizma i modernizacii [The nomadic way of life in the modern world: problems of traditionalism and modernization]. *Uchjonye zapiski Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: filologija, istorija, vostokovedenie* [Scientists notes the Trans-Baikal State University. Series: philology, history, oriental studies], 2012, no. 2, pp. 142–149.
12. Alimaa Dorzh. Problema nomadizma v Mongolii [The problem of nomadism in Mongolia]. *Izvestija Irkutskoj gosudarstvennoj jekonomicheskoy akademii (Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet jekonomiki i prava)* [Proceedings of the Irkutsk State Economic Academy (Baikal State University of Economics and Law)], 2012, no. 2, pp. 36–37.

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАНСГРЕССИИ НА ФРОНТИРЕ¹⁹

Топчиев Михаил Сергеевич, кандидат политических наук, ведущий специалист, Астраханский государственный университет, Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, E-mail: ceo.gfn@gmail.com

Дрягалов Вячеслав Сергеевич, ведущий специалист, Астраханский государственный университет, Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, E-mail: helios82@yandex.ru

Статья посвящена анализу актуальной в настоящее время пространственной проблематике, популярность которой продиктована междисциплинарностью данного феномена. Особое внимание в исследовании уделяется понятиям «граница» и «предел». Благодаря использованию постмодернистского подхода авторам удалось показать взаимосвязь границы и трансгрессии. Раскрывается особенность понятия религиозная трансгрессия. Помимо этого, в статье приводится современная трактовка понятия фронта, которая раскрывает его как комплексный и многогранный феномен, включающий в себя разнообразные аспекты. Авторами рассматривается проявление религиозной трансгрессии на пространствах фронта на примере российско-украинского пограничья.

Ключевые слова: граница, предел, трансгрессия, религиозная трансгрессия, фронт, приграничье

FEATURES OF RELIGIOUS TRANSGRESSION ON FRONTIER

Topchiev Mikhail S., Ph.D.(Policy), Leading Specialist, Astrakhan State University, 20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation, E-mail: ceo.gfn@gmail.com

Dryagalov Vyacheslav S., Leading Specialist, Astrakhan State University, 20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation, E-mail: helios82@yandex.ru

This article analyzes the current moment in the spatial problems, the popularity of which is dictated by the interdisciplinary of this phenomenon. Particular attention is paid to the study of the concepts of “border” and “limit”. Through the use of post-modern approach, the authors were able to show the relationship boundaries and transgression. The peculiarities of the concept of religious transgression. In addition, the article provides a contemporary interpretation of the concept of the frontier, which reveals it as a complex and multifaceted phenomenon, which includes a variety of aspects. The authors considered the manifestation of religious transgressions on the spaces of the frontier on the example of the Russian-Ukrainian border.

Keywords: border, limit, transgression, religious transgression, frontier, border areas

На сегодняшний день в научном сообществе все чаще появляются исследования, посвященные пространственной проблематике. Происходит это по ряду причин. Во-первых, это связано с междисциплинарностью феномена пространства. Ведь все более очевидным становится процесс взаимопроникновения наук: социологии, культурологии, философии, географии.

А во-вторых, это вызвано усилением межкультурных контактов, которые кардинально изменили глобальный культурный ландшафт. И в рамках данных научных тенденций особое внимание в исследованиях уделяется понятиям «граница» и «предел».

Размышления о «границе» присутствуют в сфере внимания философии еще со времен Древней Греции. Но сама идея существования и отсутствия границы являлась фундаментом самых первых онтологических трудов философской мысли. Ведь еще до того, как Анаксимандр формировал представления об апейроне как божественном и одновременно материальном *αρχή* мира, и даже до того как платонифагорейская традиция использовала оппозицию «беспредельное – предел», в ранних мифологических картинах мира (Веды, школа орфиков и т.д.) «беспредельное» исполняло роль значимого космогонического принципа [7, с. 50].

Понятия «граница» и «предел», благодаря своей многогранности, прочно вошли в область научных интересов и современных исследователей. Этим объясняется множество подходов к изучению, начиная от математического и заканчивая постмодернистским. Вместе с тем, именно в постмодернизме осмысление феномена границы играет важную роль.

¹⁹ Статья выполнена по гранту президента для молодых ученых кандидатов наук. Проект МК-7152.2015.6 «Социокультурный анализ механизмов религиозной трансгрессии на территории Астраханской области как части прикаспийского фронта». (Article made under the grant for young scientists president candidates. Project МК-7152.2015.6 "Socio-cultural analysis of the mechanisms of religious transgression in the Astrakhan region of the Caspian Sea as the frontier.").

Следует отметить, что, по мнению многих философов, социологов, культурологов в качестве одной из специфических особенностей постмодернистского общества актуальным становится такое понятие как трансгрессия.

Например: «трансгрессия – это жест, который обращен на предел» [10, с. 117], «преодоление непреодолимого предела», «опыт – предел» [3, с. 67], «край возможного», «жгучий опыт», который «не придает значения установленным извне границам» [5, с. 36].

Трансгрессия непосредственно связана с феноменом границы. Она предполагает переход, который нарушает или стирает границу [10, с. 117]. Это феномен, буквально означающий «выход за пределы», своего рода опыт предела, фиксирующий ситуацию перехода границы, которая описывается в культуре как непреходимая, а также опыт, описывающий состояние этого перехода.

В процессе трансгрессии устанавливаются иные способы отношений между центром и периферией, между центром и границами. Центр и периферия не противопоставляются друг другу. Происходит это за счет отсутствия единого центра. Ведь в процессе трансгрессии в качестве временно локализуемого центра всякий раз может выступать что-то другое. Это приводит к невозможности установления ни иерархических отношений между элементами дискурса, ни магистральной бытийно-смысловой перспективы.

Когда исчезает единый фиксированный и рассеянный центр, то происходит изменение статуса границы. Она становится прозрачной и зыбкой. В перспективе трансгрессии отсутствие четкой границы приводит к перетеканию одного дискурса в другой. И становится невозможным определить границы одного и конец другого. Вместо однозначной определенности трансгрессия устанавливает свободное варьирование значимости, удаление от инвариантности.

К состоянию трансгрессии человека приводит состояние выхода за пределы, за роковую черту. По мнению М. Фуко «предел и трансгрессия обязаны друг другу плотностью своего бытия: не существует предела, через который абсолютно невозможно переступить; с другой стороны, тщетной будет всякая трансгрессия иллюзорного или призрачного предела» [10, с. 117]. Иными словами, трансгрессия будет рассматриваться как черта поведения, а вот пределом выступит фронтир.

Этимологически фронтир также означает границу. В переводе с английского frontier – это «граница», «рубеж». Но в отличие от непосредственно понятия «границы» и во многом – в противоположность ей фронтир играет совершенно иную роль.

Фронтир – это то, что находится за пределами. Это линия, за которой мы уже не знаем, что ждет нас. Это жизнь на пределе или за пределом социальных устоев. У него нет «границ», и, поскольку на границе – не равно «за границей», жизнь на фронтире коренным образом отличается от жизни за фронтиром [12, с. 265].

Хотелось бы отметить, что фронтир это многогранный и комплексный феномен. Он включает в себя не только экономические, географические, политические или исторические, но и философские, культурологические, а так же духовно-ментальные аспекты.

Значимость этого термина и самого феномена так заворожала многих ученых самых разнообразных отраслей науки, что они начали использовать термин не только в исторической науке, но и вообще в гуманитарных отраслях. Постепенно он стал активно заимствоваться даже в естественных науках, таких как биология, химия, медицина и т.д.

Как известно термин «фронтир» впервые был использован для обозначения огромной территории в центре Северной Америки, где происходила активная колонизация новых земель, в конце XIX в. Появление термина связано с именем американского историка Ф. Тернера, который и предложил концепцию фронта.

Первой работой Ф.Тернера стала “The Significance of the Frontier in American History”, что в переводе означает «Значение границы в американской истории». Представлена она была в 1893 г. в виде доклада для Американской исторической ассоциации в Чикаго. А в 1920 г. автор выпустил сборник статей, под общим заголовком «Фронтир в американской истории». Именно этот сборник объединил все работы Ф. Тернера по колонизации и освоению Америки [1, с. 12].

Исследователь понимал под фронтиром границу между освоенными и неосвоенными землями и представлял как «процесс встречи, неожиданного столкновения колонизаторов, местного населения и окружающей среды» [9]. Колонисту в процессе продвижения приходилось адаптироваться к окружающей природной и культурной среде, которая для него являлась явно непривычной. Таким образом, в результате взаимодействия различных культур формировалась новая культура. И, например, европейский колонист превращался из англичанина в американца.

На сегодняшний день понятие фронта претерпело ряд изменений в трактовке и стало существенно отличаться от данного Ф. Тернером. Современные исследователи определяют фронтир и как некую линию, определяющую для местных, региональных интересов пределы сотрудничества. Причем должно соблюдаться условие, при котором данное сотрудничество должно присутствовать всегда, вне зависимости от разновидности интересов. И как взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных культурно-цивилизационных практик, территория встречи и контактов различных культур и цивилизаций [9].

Пограничье – это зона амбивалентностей, где понятия «свое» и «чужое» парадоксально пересекаются. И, по словам А. Тойнби, именно здесь происходит «напряжение границ».

Дело в том, что границы являются самыми напряженными и потенциально конфликтными, смыслообразующими участками культурного пространства, которое будет определять отношения Свой-Чужой. Происходит это по причине наибольшего удаления данного места от центра «своего» мира. Поэтому граница является пространством наименьшего влияния собственных защитных сил. Данная территория является местом где действуют законы Другого, чужого мира.

И если границы рассматривать как конкретные линии разграничения суверенитетов, обществ, стран, народов, безопасности, культуры, экономики и т.д., то фронтир – это все же некая незримая простран-

венная черта, до пределов которой распространяется общность идентичности населения. И эта черта будет точно выходить за пределы границ самого государства. Но у границ и фронта есть вероятность совпадения в случае существования максимальной барьерности государственных границ или при наличии открытых конфликтов между населением.

В рамках рассматриваемой проблематики на сегодняшний день особую значимость приобретает исследование вопросов российско-украинского пограничья. Вопрос этот приобрел актуальность в связи с возникновением конфликтов в сфере международных отношений России и Украины, а также благодаря бурному росту культурных, духовных, социальных и иных противоречий между населением двух стран.

Российско-украинское приграничье всегда обладало двумя ключевыми свойствами фронта, которые определяли общность культурно-цивилизационной идентичности на данной территории. Первое свойство заключается в том, что между двумя странами границы существовали достаточно непродолжительное время и до последних событий они обладали очень низкой степенью барьерности, что в полной мере обеспечивало высокий уровень коммуникаций между населением. Второе же свойство связано с исторической общностью приграничных территорий России и Украины. Например, Белгородская и Харьковская область практически целиком входили в состав единого исторического региона – Слободской Украины (Слобожанщины), обладающего собственными культурными традициями и идентичностью [4, с. 438].

Помимо этого Украину и Россию всегда объединял духовный фактор. Духовность украинского и русского народа, в большей степени, раскрывается в отношении к религии и церкви. В жизни украинцев, как и русских, религиозный аспект на протяжении истории был всегда доминирующим и предопределял специфику менталитета этих народов.

И украинец, и русский в религиозной жизни исповедует моральные переживания, ищет внутреннего общения с Богом, старается войти в глубину веры, понять ее суть.

Внешняя набожность, философствования на тему веры, формализм обрядов долгое время были не характерны для украинского народа. Но Украина, продолжая свое метание между Востоком (Россией) и Западом (США и ЕС), вдруг оказалась под властью процесса религиозной трансгрессии [6, с. 174], которая ранее без труда захватила Западную Европу.

Под религиозной трансгрессией, мы понимаем переступание религиозных запретов, призванных отделить человека от его погруженности в веру, приводящее к персонализации, индивидуализму, депрессии жестокости, переживанию пустоты, безразличию и нарциссизму

Теперь основными чертами современной религии на Украине являются: адогматичность, чрезмерная демократичность, синкретизм, приватизация, эклектика, неопределенность, фрагментарность, популизм, конформизм. Произошел не только отрыв культуры от религии, но и массовое физическое её уничтожение.

После перехода Крыма под юрисдикцию России ситуация Украинской Православной Церкви Московского Патриархата на остальной территории Украины резко ухудшилась. Ее стали рассматривать как «церковь Януковича» и часть «москальской церкви» [11]. Были даже попытки новых властей передать такие значимые объекты, как Киево-Печерская Лавра и Почаевский монастырь, Украинской православной церкви Киевского Патриархата [2]. Помимо этого мы наблюдали массовые преследования православных священников, их избияния и разгромы церквей.

Но раскол православия на Украине Московским Патриархатом Русской Православной Церкви рассматривается, скорее, как досадное недоразумение и происки внешних врагов, чем как проявление именно украинской идентичности. Надо заметить, что и в условиях конфликта руководство Московского Патриархата ведет очень осторожную политику. Патриарх Кирилл публично не комментирует события в Крыму и на юго-востоке Украины. Более того, крымские епархии Украинской православной церкви Московского Патриархата по факту остались в составе этой церкви. «19 марта Синод РПЦ заявил, что границы церкви не проходят по государственным границам. Казалось бы, ничего нового – это последовательная позиция РПЦ уже много лет, но в контексте Крыма и Юго-Востока Украины это имеет, безусловно, особое значение» [8, с. 40].

На наш взгляд закономерным является тот факт, что подобного рода события все же отразилось на уровне развития ментальных характеристик украинского населения. После долгих столетий доминирования православной церкви, стремления к проявлению своих духовных чувств, национальный стержень украинцев был сломлен. Раскол внутри православия привел к государственному расколу. Религиозная трансгрессия, подогреваемая властями Украины, привела к сложным взаимоотношениям на украинско-российском пограничье. И в связи с нарастанием противоречий и конфликта между странами, в настоящее время ситуация может еще ухудшиться.

Список литературы

1. Андреева А. А. Фронтир как культурно-историческая категория // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. Вып. 3. С. 11–15/
2. Бабич Д. Драма православной церкви на Украине: советы и объяснения дипломатам // Международная жизнь. Электронные данные. Режим доступа: <http://interaffairs.ru/read.php?item=11547>, свободный. – Загл. с экрана. Яз. рус.
3. Бланшо М. Опыт-предел // Танатография эроса. СПб.: Мифрил, 1994. 364 с.
4. Пастюк А.В. Фронтиры культурно-цивилизационной идентичности приграничных регионов России и Украины // Казанский педагогический журнал. 2015. № 4, ч.2. С. 437–440.
5. Пугачева Л. Г. Феномен границы как основание интенциональности разума и предметного восприятия реальности // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2009. Вып. 2. С. 36–41.

6. Романова А. П., Ермуханова Н. А. Межкультурные коммуникации на этапе раннего фронта на Кавказе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 1, ч. 1. С. 172–175.
7. Румянцев Т. Г. Апейрон // История философии. Минск, 2002.
8. Самутина О.С. Украина и Южный Кавказ: цивилизационные аспекты современных конфликтов на постсоветском пространстве // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4, т. 2. С. 39–42.
9. Тернер Ф. Дж. Фронт в американской истории / пер. с англ. А. И. Петренко. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.
10. Фуко М. О трансгрессии // Танатография эроса. СПб.: Мифрил, 1994. 364 с.
11. Христиане после Майдана: реакцию церквей на украинский конфликт изучает Оксана Куропаткина. Электронные данные. Режим доступа: http://xn--80aabqmfeoglcfnp6p.xn--p1ai/about/news/news_1019.html, свободный. – Загл. с экрана. Яз. рус.
12. Якушenkova О. С. Трансгрессия как способ существования в условиях фронтальной гетеротопии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 4. С. 262–267.

References

1. Andreeva A. A. Frontir kak kul'turno-istoricheskaya kategoriya. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2014, vol. 3, pp. 11–15.
2. Babich D. Drama pravoslavnoy tserkvi na Ukraine: sovery i ob'yasneniya diplomatam. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. Available at: <http://interaffairs.ru/read.php?item=11547>
3. Blansho M. Opyt-predel. *Tanatografiya erosa*. St. Petersburg, Mifril Publ., 1994, 364 p.
4. Pastyuk A. V. Frontiry kul'turno-tsivilizatsionnoy identichnosti prigranichnykh regionov Rossii i Ukrainy. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal*, 2015, vol. 4, part 2, pp. 437–440.
5. Pugacheva L. G. Fenomen granitsy kak osnovanie intentsional'nosti razuma i predmetnogo vospriyatiya real'nosti. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 2009, vol. 2, pp. 36–41.
6. Romanova A. P., Ermukhanova N. A. Mezhekul'turnye kommunikatsii na etape rannego frontira na Kavkaze. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota Publ., 2015, no. 1, part 1, pp. 172–175.
7. Rumiantsyev T. G. Apeyron. *Istoriya filosofii*. Minsk, 2002.
8. Samutina O. S. Ukraina i Yuzhnyy Kavkaz: tsivilizatsionnye aspekty sovremennykh konfliktov na postsovetском пространстве. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 4, vol. 2, pp. 39–42.
9. Turner F. Dzh. *Frontir v amerikanskoj istorii*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2009, 304 p.
10. Фуко М. О трансгрессии. *Tanatografiya erosa*. St. Petersburg, Mifril Publ., 1994, 364 p.
11. *Khristiane posle Maydana: reaktivnyye tserkvi na ukrainskiy konflikt izuchaet Oksana Kuropatkina*. Available at: http://xn--80aabqmfeoglcfnp6p.xn--p1ai/about/news/news_1019.html
12. Yakushenkova O. S. Transgressiya kak sposob sushchestvovaniya v usloviyakh frontirnoy geterotopii. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*, 2013, no. 4, pp. 262–267.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ГЕТЕРОТОПИИ²⁰

Хлыщева Елена Владиславовна, доктор философских наук, Астраханский государственный университет, Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, E-mail: culture_mar@mail.ru

Сегодня мир представляет собой динамичную, неустойчивую транскультурную структуру, объяснить которую возможно только с помощью понятия «гетеротопия», которая дает возможность нового взгляда на привычные культурные явления. Гетеротопное пространство – это не столько конкретное место, сколько диалектический способ его видения. Идея других культурных пространств, их вычленения, движения, протяженности внутри устоявшегося мира соответствует стратегии мультикультурализма. А это неизбежно выводит на поверхность дискурс «Свой – Чужой» с его многочисленными проблемами. Выявление конструктивных тенденций взаимоотношений с Чужим особенно актуально для принимающих стран в связи с процессом «гибридизации» культуры, когда последняя часто состоит из несовместимых частей, крайне нестабильных и противоречащих традиционному контексту. Практика взаимоотношений «Свой – Чужой» в гетеротопном пространстве проявляет себя как через призму деструктивности, так и конструктивности в силу неоднозначности самого феномена гетеротопии. Культурное многообразие – показатель гетеротопности пространства, которое по своей природе изначально неустойчиво, и чем выше степень «пестроты», тем больше рисков этноконфликтных ситуаций, нередко приводящих само это общество на грань распада. Однако гетеротопические пространства способны вместить в себя то, что, по сути, не может иметь места в них. Если это происходит, то такое гетеротопное пространство имеет устойчивую структуру, которая на данный момент эффективна.

THE PROBLEMS OF CULTURAL INTERACTION IN THE CONDITIONS OF A MULTICULTURAL HETEROTOPY

²⁰ Выполнено при поддержке РФФИ проект № 15-03-00402 «Чужой/Другой в меняющемся мире: от онтологии к гносеологической типологизации». (Was supported by the Russian Foundation for Humanities Project No. 15.03-00402 "Alien / Other in the changing world: from ontology to epistemology typology".)